

Спустя два года, посреди зимы, Сабору Годзё не стало.

Смерть его была внезапной — никто не был к этому готов.

А-Эр тоже не ожидал такого исхода. Еще утром, перед самым уходом, Сабору Годзё вложил ему в ладонь крошечную пиллюлю и велел спрятать за щекой.

— Не переживай, если тебя убьют у всех на виду, просто раскуси ее и притворись мертвым. Иначе будет неловко, если ты встанешь как ни в чем не бывало, волоча за собой половину оторванной головы. А как только все утихнет, я пришлю за тобой своих людей. Не оставлю же я тебя изображать Спящую красавицу в ожидании поцелуя прекрасного принца.

Еще утром Сабору Годзё привычно скалился, отпуская эти дурацкие шуточки и припоминая сказку, которую А-Эр когда-то ему рассказывал. А теперь этот человек лежал в гробу.

Смерть редко кого красит. Но Сабору Годзё и здесь остался исключением. Он лежал среди парчи и цветов, точно спящий, с мягкой, умиротворенной улыбкой на губах. И пусть кожу уже тронули первые бледные следы тления, его лицо все равно казалось ослепительно прекрасным. Наверное, просто потому, что это был Сабору Годзё.

А-Эр заворуженно смотрел на его безмятежный облик. Вернувшиеся в спешке А-Си и Кэндзяку пытались что-то говорить, утешать его, но он лишь молча качал головой. Всё происходящее казалось нереальным, глупой, затянувшейся шуткой.

Казалось, Сабору Годзё сейчас распахнет глаза, резко сядет в гробу и с хохотом завопит, что розыгрыш удался.

Но сколько бы А-Эр ни касался его холодных пальцев, чуда не происходило.

Внезапный уход сильнейшего шамана эпохи поверг весь магический мир в хаос и панику. Здоровый, полный сил, не павший от рук проклятий — как он мог уйти так просто, в один миг?

Верный помощник Сабору Годзё, Идзити, явно что-то знал, но хранил молчание. Каждому, кто донимал его расспросами, он вежливо и бесстрастно отвечал:

— Прошу прощения, но мы не можем разглашать подробности кончины главы клана.

Перехватив пристальный взгляд А-Эра, Идзити на мгновение замялся, его лицо исказила сложная гамма эмоций, но он так и не проронил ни слова.

Суэта и нарастающий гул голосов давили на виски. Ощущение бессилия и глухой тревоги лишали А-Эра покоя, и он поспешил уйти в тишину заднего двора, подальше от траурного

сброда.

Он поднял глаза к небу. Зимний день дышал колючим холодом, но высь раскинулась пронзительно-синяя, чистая — точь-в-точь как глаза Сабору Годзё.

О чем думал этот сумасшедший перед смертью?

Забывшись, А-Эр не сразу уловил тихий шорох шагов за спиной. Когда он уходил в себя, весь остальной мир для него переставал существовать — точно так же, как во время их последнего разговора с Сабору Годзё, когда они не заметили подслушивающего за дверью Кэндзяку. К тому же поместье Годзё гудело как потревоженный улей, наводненное любопытными гостями, жаждущими выведать тайну внезапной гибели сильнейшего.

Но приближающееся присутствие показалось ему смутно знакомым. Этот след проклятой энергии принадлежал тому, с кем два года назад они частенько перекидывались парой слов. Тому, кто разом оборвал все связи, едва прознав о его отношениях с Сабору Годзё, и при случайных встречах лишь мрачнел и демонстративно проходил мимо.

Раздался мерзкий, влажный хруст — острое лезвие насквозь пробило грудь А-Эра, пронзая самое сердце. От вспышки дикой боли в глазах потемнело, а мысли разлетелись в прах. Он попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь глухой хрип.

Он хотел повернуться, спросить, за что, но тело отказалось подчиняться. Убийца стоял за спиной, лишая возможности увидеть его лицо.

Лишь у самого уха раздался дрожащий, сорванный шепот:

— Я ненавижу тебя...

Голос срывался, переходя в приглушенное, полное отчаяния рыдание.

Очнулся А-Эр в просторном деревянном ящике. Приподнявшись, он понял, что лежит в открытом гробу, а бок о бок с ним покоится безжизненное тело Сабору Годзё — всё с той же невыносимо раздражающей, безмятежной улыбкой на губах.

— Слава богу, вы очнулись, — раздался тихий, исполненный почтения голос Идзити, стоявшего у края усыпальницы.

Наоя Дзэнъин пронзил его сердце. Разумеется, для А-Эра такой раны было недостаточно, чтобы умереть насовсем, но в момент удара он чисто инстинктивно раскусил спрятанную во

рту пилюлю Сабору Годзё и погрузился в глубокий сон.

В склепе стояла могильная тишина. Оглядевшись и не заметив никого, кроме верного помощника Сабору Годзё, А-Эр хрипло спросил:

— Идзити... Что здесь произошло?

— Господин Сатору еще при жизни знал, что молодой господин Дзэнъин замышляет убийство, — ответил Идзити, утирая со лба холодный пот. По его изможденному виду было ясно, что эти часы дались ему нелегко. — Он все спланировал заранее. Для всего мира вы мертвы — пали жертвой подлого нападения Наои Дзэнъина. Я собрал для вас вещи первой необходимости и приготовил маску-вуаль, которую оставил господин Сатору. Она скроет ваше лицо и заглушит проклятую энергию. Уходите, пока не рассвело. Вам нельзя здесь оставаться.

А-Эр растерянно молчал. В голове не укладывалось: если Сабору Годзё знал о намерениях Наои, почему не предупредил?

Злости не было, лишь глухое недоумение. А-Эр прекрасно знал характер Сабору Годзё — тот любил оставаться безучастным наблюдателем, вмешиваясь лишь ради забавы или долга, но когда дело касалось чужой жизни, он никогда не скупился на пару предостерегающих слов. К тому же мотивы Наои оставались загадкой. Да, они не ладили, но чтобы дойти до резни?..

Тот сдавленный, полный невыносимой боли всхлип до сих пор стоял в ушах. Сердце сжалось от странной тоски, и А-Эр сам не заметил, как по его щекам покатались горячие слезы.

Наоя действительно возненавидел его всей душой.

"Если бы в тот день я просто остановил его..." — подумал А-Эр. После их ссоры он не раз пытался поговорить, наладить хоть какой-то мост, но Наоя при встрече лишь кривился в яростной гримасе и спешно уходил прочь.

Смерть Сатору, бешеная, извращенная ненависть Наои... Всё это навалилось разом, выбивая почву из-под ног.

— Но почему?.. — сорвалось с его губ. — Зачем всё это?

— Потому что господин Сатору хотел показать вам, насколько чудовищным и извращенным проклятием может стать любовь.

А-Эр застыл, во все глаза глядя на Идзити. И тогда тот поведал ему то, что до последнего момента хранилось в строжайшей тайне.

Замысел Сабору Годзё был безумен и прост: чтобы подарить А-Эру бессмертие, нужно было перешагнуть грань. Проклясть его так, чтобы человеческая половина угасла, уступив место чистой сущности проклятого духа. Проклятия не ведают старости и увядания. Они живут вечно, пока их не изгонят.

Наоя Дзэнъин не мог сравниться с величайшим шаманом, но даже среди одаренных он оставался самородком. Обида, уязвленное эго и боль породили в его душе ураган из ненависти, жажды крови и извращенной любви. Оружие в его руках, напивавшись этой гремучей смесью, нанесло удар, который стал идеальным проклятием. Он выжег в А-Эре человеческую искру, заставив его смертную оболочку погибнуть.

Сабору Годзё же... Сабору Годзё добровольно отмерил себе лишь два года рядом с А-Эром. Всю оставшуюся жизнь он без остатка выжег, превратив ее в колоссальный объем проклятой энергии. Предсмертное проклятие величайшего шамана превзошло саму смерть — и эта непреодолимая сила завершила перерождение, навсегда обратив А-Эра в проклятого духа.

Но случилось непредвиденное. Из-за того, что Наоя пронзил его грудь проклятым клинком в самый канун перерождения, сердце А-Эра парадоксальным образом сохранило тепло человеческой плоти. Он завис на тонкой грани: обычные люди всё так же видели его, а шаманы средней руки даже не догадывались, какая бездна таится под его обличем.

А-Эр не мог вымолвить ни слова. Идзити горько усмехнулся:

— Сколько я помню господина Сатору... он всегда казался чужаком в этом мире. Словно парил над землей, равнодушный ко всему и вся. Я и представить не мог, что ради кого-то он решится на такое... сожжет себя дотла, без тени сомнения.

Поистине, те, кто никогда ни к чему не привязывался, обретя единственную одержимость, превращаются в безумцев. Когда у тебя нет ничего ценного, ты спокоен. Но стоит обрести сокровище — и ты пойдешь на любое святотатство, лишь бы уберечь его.

Грудь А-Эра сдавило тисками невыразимых чувств. Как бы то ни было, оставаться в поместье нельзя. Отныне он — тварь изнанки мира, а прежний А-Эр, человек, обрел вечный покой в этой могиле. Пора уходить.

— А как же А-Си и Кэндзяку?.. — тихо спросил он.

— Господин Сатору все предвидел, — мягко ответил Идзити. — В своем завещании он официально признал их своими преемниками и приемными детьми. Вся казна и влияние клана Годзё теперь в их распоряжении. Им гарантирована полная безопасность и безбедная жизнь, даже если они и пальцем больше не пошевелят.

Силы А-Си давно крепили день ото дня, а изощренный ум Кэндзяку служил надежным щитом. Выросшие бок о бок, они не предадут друг друга. Они справятся. Держась вместе, они одолеют

любые невзгоды.

И всё же тяжелее всего на сердце ложилась мысль о Сабору Годзё. О том, с каким лицом тот отправлял его утром за порог. Зная, что видит А-Эра в последний раз, зная, что к вечеру его собственная жизнь угаснет... О чем он думал, желая счастливого пути?

"Вот почему он так долго не отпускал меня..." — запоздало понял А-Эр. Сабору Годзё капризничал, цеплялся за его одежду пуще прежнего, а когда А-Эр всё же шагнул за ворота, еще очень долго провожал его безмолвным, нечитаемым взглядом. Что скрывалось за этой вечной шутливой маской в последние секунды?

На пороге склепа Идзити бережно протянул ему запечатанный конверт.

— Это последнее письмо господина Сатору.

Стоило А-Эру надорвать плотную бумагу, как в его сознании, отчетливо и звонко, прозвучал знакомый, чуть насмешливый голос.

"Наверное, сейчас ты стоишь с совершенно растерянным и глупым видом? Как бы мне хотелось на это посмотреть! Ох, прости, просто мысль о том, что я заставил тебя испытывать хоть какие-то эмоции, приводит меня в восторг.

Но не забивай свою хорошенькую голову чувством вины. Моя кончина — не твоя вина. Это просто предначертанное. Я давно знал, что судьба заберет меня.

Конечно, я никогда не плыл по течению. Я сам бросился в этот бушующий водоворот. Твое появление стало моим личным штормом, растревожившим затхлое болото моей скучной жизни.

Вместо того чтобы уныло дожидаться дряхлой старости, я предпочел обнять смерть на собственных условиях — и вместе с тобой перевернуть этот чертов мир с ног на голову.

«Сабору Годзё» будет рождаться вновь и вновь. Но если честно, дело не во мне, а в Шести Глазах. Из-за них мы заперты в бесконечном круге сансары. Если ты исполнишь свою мечту и сокрушишь саму суть проклятий, эта сила исчезнет навсегда.

Будет ли тогда рождаться новый Сабору Годзё? Или мир увидит меня самым обычным, простым человеком? Эх, как бы мне хотелось это узнать...

Ладно, глядя на то, как упорно ты карабкаешься к своей цели, я просто не мог остаться в стороне. Пришлось пойти ва-банк.

Впереди у тебя вечность. Годы, что мы провели вместе, станут лишь жалкой песчинкой в твоей бесконечной памяти. И всё же, мой самый дорогой друг, я искренне желаю тебе победы.

Я хотел уйти красиво, без сожалений... Но у шаманов не бывает легкой смерти. А потому...

— Я проклиная тебя. Навеки.

— Я люблю тебя. Навеки.

И ты никогда, слышишь, никогда меня не забудешь.

Мы ведь договорились, правда? Мы будем вместе. Всегда".

Едва смолк последний отголосок его смеха, бумага в руках А-Эра вспыхнула бездымным синим пламенем и за мгновение осыпалась невесомым пеплом.

Это было последнее напутствие Сабору Годзё — самое страшное, нерушимое проклятие, сотворенное на стыке жизни и смерти.

[Получен новый пассивный статус: Проклятие любви Сатору Годзё]

[Эффект]

[- Значительное увеличение запаса проклятой энергии]

[- Отныне каждое новое воплощение Сабору Годзё будет неосознанно тянуться к вам и испытывать непреодолимую симпатию]

Глядя, как серые пылинки уносит холодным сквозняком, А-Эр тихо, сквозь душасшие слезы, прошептал:

— Ну и как... как мне теперь прикажешь с тобой прощаться?

<http://bllate.org/book/18335/1760502>